
Персонология

«ПРИНЦИП ОППОЗИЦИЙ» В ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

А.Н. ИСАЕВА

Исаева Анастасия Николаевна — магистр психологии, преподаватель кафедры психологии личности НИУ ВШЭ. Научные интересы — развитие психологии жизни и жизненных отношений личности, культурной психологии личности, современной персонологии, связанных с именами С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой, Е.Б. Старовойтенко, В.А. Петровского. Имеет 14 научных работ, посвященных теории и практике отношений личности к противоречиям жизни.

Контакты: aisaeva@hse.ru

Резюме

Статья посвящена принципу оппозиций как персонологическому способу познания личности, имманентному европейскому мышлению и концептуально обоснованному в философской диалектике, глубинной психологии и теории жизненных отношений личности Е.Б. Старовойтенко. Принцип оппозиций рассматривается в структуре общей персонологии в аспекте его потенциалов постановки и разработки новых проблем познания личности через различные формы синтеза теории, герменевтики и практики персонологии. Различаются онтологический, гносеологический и рефлексивно-феноменологический «модусы» существования оппозиций жизни личности. В работе представлены результаты герменевтического исследования отношения личности к оппозициям жизни. Описаны интуитивные приемы личности в обращении с оппозициями, реконструированные на материалах европейских и русских волшебных сказок. Обозначена проблематика Я как субъекта отношений к оппозициям жизни.

Ключевые слова: *персонология, оппозиции, противоречие, жизненные отношения личности, Я, волшебные сказки, интуиция, рефлексия.*

Одной из основополагающих задач персонологии является развитие интегральных парадигм, в которых может осуществляться синтез идей и знаний, представленных в различных теориях и концепциях личности, практико-ориентированных направлениях психологии, в философских текстах и культурных источниках (Петровский, Старовойтенко, 2012; Старовойтенко, 2010а).

Полагаем, что одним из решений этой задачи может выступать развитие в персонологии «принципа оппозиций» как такого подхода к пониманию личности, который, во-первых, предлагает способы диалектического познания личности (Старовойтенко, 2001, 2004; Юнг, 2001), во-вторых, обладает потенциалом интеграции существующего знания о личности через пронизывающий индивидуальную жизнь феномен «оппозиций» (и, соответственно, «коллизий», «противоречий», «конфликтов»), в-третьих, имплицитно реализуется в множестве консультативных и психотерапевтических практик (К. Юнг, А. Минделл, Ф. Фарелли, Э. Берн, К. Роджерс) и, в-четвертых, включает в себе потенциал построения интегральных моделей диалектического самопознания и развития личности в консультативном процессе.

Оппозиции — это противостоящие, асинхронные, несовпадающие или противоположные моменты индивидуальной жизни, отмеченные в своих отношениях индивидуальной значимостью. Оппозиции могут вступать в коллизии и конфликты, которые становятся объективными условиями индивидуальной жизни. В качестве познавательного «принципа» связи между оппозициями

были осмыслены в глубинной психологии (К. Юнг) и теории жизненных отношений личности (Е.Б. Старовойтенко). В теории К. Юнга взаимодействие оппозиций структуры личности получает название «энантиодромии» («противоположный бег») (Юнг, 2001), становится основополагающим принципом динамики индивидуальной души (там же) и имеет свой культурный эквивалент в символе Абраксаса (Jung, 2009). В теории жизненных отношений Е.Б. Старовойтенко оппозиции выступают объективным условием и динамическим контекстом реализации жизненных отношений личности, а способность личности вставать в отношение к ним — определяющим условием индивидуальной жизни (Старовойтенко, 2004).

Задачами данной работы являются осмысление «принципа оппозиций» в структуре общей персонологии (Петровский, Старовойтенко, 2012), попытка определения онтологического, гносеологического и «рефлексивно-феноменологического» (Е.Б. Старовойтенко) статусов «оппозиций» в жизни личности и описание путей построения персонологических моделей отношений личности к оппозициям жизни.

«Принцип оппозиций» в структуре общей персонологии

Общая персонология (Петровский, Старовойтенко, 2012) развивается во взаимосвязях фундаментальной, практической и культурной психологии личности. В.А. Петровский и Е.Б. Старовойтенко предлагают четыре проекта общей персонологии, возникающих на стыках этих на-

правлений: фундаментальная, консультативная, культурная персонология и персонология самополагания. В рамках первого проекта — фундаментальной персонологии — осуществляется синтез практической и культурной психологии личности с целью обогащения теоретического знания о личности. Второй проект — консультативная персонология — обращен к связям теории и герменевтики психологии личности в их психопрактических потенциалах. Третий проект — культурная персонология — развивается на основе интеграции фундаментального знания о личности и психологической практики. В четвертом проекте — персонологии самополагания — сходятся воедино теория, герменевтика и практика в аспекте их целостного влияния на жизнь самого персонолога.

Полагаем, что «принцип оппозиций» обладает потенциалами синтеза и развития персонологического знания о личности в рамках всех предложенных проектов. Наметим эти потенциалы, следуя логике В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко в изложении идеи персонологии.

В теоретической психологии личности оппозиции представлены в категориях противоречия (К. Юнг, А. Минделл, Э. Эриксон, Дж. Келли, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, Е.Б. Старовойтенко, Е.А. Донченко, Т.М. Титаренко), коллизии (Е.Б. Старовойтенко), конфликта (З. Фрейд, К. Юнг, О. Фенихель), диссонанса (Л. Фестингер), дихотомии (Э. Фромм, С.Л. Рубинштейн). Также это категории, потенциально вмещающие оппозиции, теории противоречий и конфликтов, теории оппозиционных

структур личности и психологические теории, содержащие имплицитное знание о феномене асинхроний, рассогласований и противостояний различных содержаний психической жизни.

В практической психологии личности представляют интерес множество эмпирических оппозиций и коллизий индивидуальной жизни, игра оппозиций речи и языка, имплицитные оппозиции консультативного процесса (перенос и контрперенос, сопротивление и диалог, оппозиции границ и ответственности), оппозиционные структуры практико-ориентированных моделей личности, оппозиции в структуре консультативных техник («Техника второго стула» в гештальттерапии, «Парадоксальная интенция» в логотерапии, конфронтация в роджерсианском подходе, провокации Ф. Фарелли и т.д.).

В культурной психологии личности оппозиции имеют существенное значение в герменевтике юмора, парадокса, сказки, мифа, исповеди, описания противоречий эго-героя.

Различные формы синтеза практического и герменевтического знания об оппозициях позволяют наметить новые перспективы персонологических исследований. Например, сопоставление индивидуальной «техники» нагнетания оппозиций Дж. Кардано (Исаева, 2011) с целью высвобождения творческого потенциала (герменевтика) и метода парадоксальной интенции, практикуемого для освобождения от навязчивых страхов (практика), ставит перед нами вопрос об общепсихологических механизмах раскрытия жизненных потенциалов личности через ее обращение

с оппозициями Я. Этот вопрос в контексте фундаментальной психологии личности может быть сформулирован как научная проблема, подлежащая экспериментальному исследованию. Также ранее созданные теории личности могут раскрываться как замысленные в «персонологической традиции». Так, например, синтез повторяющихся контуров жизненных коллизий клиентов и их культурных эквивалентов в мифе и сказке позволил К. Юнгу ввести в психологию категорию архетипа и предложить фундаментальную теорию личности, в основе которой лежит принцип противоположностей душевной жизни.

Фундаментальные теории противоречий и конфликтов личности содержат имплицитные основания и параметры для построения герменевтических процедур с целью изучения оппозиций жизни на материалах культуры. В свою очередь, герменевтика оппозиций личности в текстах культуры обладает потенциалом построения практик психологической работы с оппозициями жизни в рамках консультативной персонологии. Примером такого синтеза фундаментальной теории и герменевтики является практико-ориентированный «Метод самообобщения» Е.Б. Старовойтенко (Старовойтенко, 2004), в основе которого лежат культурные способы обращения личности с этическими оппозициями жизни. В свою очередь, теоретические модели оппозиций познания и дуальных операций мышления (Старовойтенко, 2001) содержат потенциалы герменевтики как системы постижения оппозиций жизни в рефлексивных текстах (А. Августин, Н.А. Бердяев,

Л.Н. Толстой и др.). Подобного рода исследования позволяют эксплицировать из текстов самопознания, вошедших в «золотой фонд» культуры, нетривиальные способы отношений личности к своим противоречиям и элиминированные в культуре приемы и практики диалектического самопознания, — с целью их «возвращения» личности в консультативном процессе для развития ее зрелого и творческого отношения к себе и своей жизни (Исаева, 2011).

Синтез теоретических и практических моделей оппозиций познания и самопознания личности в герменевтике позволяет исследовать культурогенез оппозиций как феномена сознания и рефлексии личности, выявить постоянные и развиваемые в культуре характеристики отношения личности к жизненным коллизиям, найти психологические функции и определить роль «овладения» личностью оппозициями жизни, познания и рефлексии в формировании ее Я. Применение этих моделей в герменевтике мифов и волшебных сказок разных народов мира позволяет выявить кросс-культурную специфику отношения личности к проблемам жизни и реконструировать обращенные в персонологическую практику культурно-психологические модели отношений личности к присущим ей противоречиям (Исаева, 2010).

Исследования в русле культурной персонологии способны восполнить дефициты фундаментального и практического знания о личности в аспекте ее отношений к противоречиям жизни. Примером синтеза персонологического знания о личности посредством «принципа оппозиций» является

модель гендерной типизации личности Е.Б. Старовойтенко (Старовойтенко, 2007), выполненная на основе психологических, философских и культурных источников и выстроенная по принципу бинарности культурно-психологических содержаний. В данной модели реконструированы закрепленные в культуре бинарные параметры гендерной идентичности и самоидентичности личности.

В персонологии самополагания сходятся воедино теория, герменевтика и практика оппозиций — в аспекте их целостного освоения персонологом. В рамках данного проекта «принцип оппозиций» может стать инструментом мышления персонолога в его «практике жизни» и «практике себя» (Старовойтенко, 2010б), творческим приемом его академического, практического, рефлексивного поиска знания о личности и интегрирующим центром этого знания.

Онтология, познание и индивидуальное проживание оппозиций

Проблематика оппозиций обширно представлена в гуманитарном знании и активно разрабатывается в рамках фундаментальной теории. Однако анализ философских и психологических текстов выявляет «многомодусный» взгляд исследователей на оппозиции, и перед нами вырисовывается методологическая проблема определения источников порождения оппозиций — индивидуально-личностного, когнитивного или жизненного.

В трудах З. Фрейда, К. Юнга, М.Л. Франц рассматриваются оп-

позиции сознательно-бессознательной жизни личности; Е.А. Донченко, Т.М. Титаренко рассматривают оппозиции личности и Я-позиций; Э. Фромм выделяет оппозиции базовых дихотомий человеческой жизни; Е.Б. Старовойтенко предлагает онтопсихологическую модель оппозиций жизненных отношений личности. В вышеозначенных подходах оппозиции рассматриваются как образующие структуры личности или ее бытия, что указывает на онтологический «модус» существования оппозиций. В трудах Ю.М. Лотмана, В.В. Иванова, Т.Н. Непшекуевой бинарные противоположности имманентны человеческому мышлению и опосредуют процессы индивидуального познания мира; в традиции диалектической логики (Г. Гегель, Г.С. Батищев, Э.В. Ильенков) способность индивидуальной мысли оперировать оппозициями определяет ее познавательные возможности; Е.Б. Старовойтенко предлагает модель дуальных операций мышления, обращенных к противоположностям в объекте познания и определяющих способность личности создавать новое знание о мире. В данном случае оппозиции рассматриваются как имплицитные структуры мышления и представлены в гносеологическом «модусе». Согласно концепции когнитивного диссонанса Л. Фестингера, личность сталкивается с необходимостью выбора между двумя оппозициями жизни, представленными в ее сознании и опосредованными ее потребностями и мотивами; в периодизации жизни личности Э. Эриксона каждый возрастной кризис завершается «глубинным выбором» личности между двумя

противоположными Я-позициями, представленными определенными «жизнесостояниями» (Старовойтенко, 2001); в трудах школы С.Л. Рубинштейна (Абульханова-Славская, 1983; Рубинштейн, 2012; Старовойтенко, 2010а, 2004; Старовойтенко, Исаева, 2010) рассматриваются оппозиции жизни и жизненных отношений как непосредственно проживаемые личностью в качестве противоречий, порождающих рефлексивную и деятельно-практическую активность личности. В данном случае оппозиции представлены в рефлексивно-феноменологическом «модусе» (Старовойтенко, 2011) существования.

Здесь возникает проблема корректного соотнесения онтологического, гносеологического и рефлексивно-феноменологического «модусов» существования и изучения оппозиций. Решение данной проблемы мы находим в текстах С.Л. Рубинштейна, утверждавшего онтологический статус сознания и деятельности (Абульханова, 2011). Кроме того, в разрешении этой проблемы можно наметить контуры отношений личности к оппозициям в структуре ее жизненных отношений.

1. Познавательному отношению личности к миру предшествует чувственное восприятие действительности, возникающее за счет столкновения практической активности человека и сопротивления объектов практики. Личность встает в оппозицию миру (или встречает оппозиционность мира себе), прежде чем начинает познавать его.

2. В существующей оппозиции «Я—Другое» зарождается познавательная активность личности, опосредованная индивидуальными по-

требностями и мотивами. «Исходное утверждение бытия <...> — это взаимоотношение человека с тем, что ему противостоит, во что он “упирается”, с чем он сталкивается как с препятствием, что он находит как материал и т.д.» (Рубинштейн, 2012, с. 22).

3. Индивидуальное сознание различает в объекте, данном ему как «другое», чувственные оппозиции в категориях «большое-маленькое», «светлое-темное», «легкое-тяжелое», «приятное-неприятное», «полезное-вредное» и т.д. Уже на данном этапе устраняется разрыв между сознанием и объектом сознания: «явление на самом деле выступает не как завеса, а как обнаружение сущего — его внешний план — первое в сущем, что открывается познанию (“поверхность” явлений)» (там же, с. 50); в свою очередь, «воспринять — значит, по существу, онтологизироваться» (там же, с. 29). Т.е. различаемые оппозиции одновременно принадлежат и объекту, и индивидуальному сознанию — они являются и характеристикой объекта, и имплицитной моделью познания.

4. Оппозиции, данные непосредственному чувственному восприятию личности, представляют собой «суммарный результат» скрытой динамики объекта. Эта «эксплицитная поверхность явления» становится основой для индивидуального познания и мысленного установления скрытых от чувственного восприятия связей и отношений между оппозициями объекта. Данные отношения означиваются в логико-понятийную форму и представляют собой существенные характеристики и свойства объекта, в которых, в свою очередь, мышление может улавли-

вать новые оппозиции и, устанавливая отношения между ними, продвигаться в своем раскрытии имплицитного бытия объекта.

Таким образом, оппозиции могут выступать одновременно и «инструментом» познания жизни, и онтологическим свойством индивидуальной жизни.

5. Оппозиции, различимые индивидуальным Я в объектах и процессах мира, непосредственно проживаются им как жизненная реальность. Различимые посредством функций восприятия, ощущения, переживания, мышления, интуиции, оппозиции внешнего мира опосредуются индивидуальными значимостями, потребностями, мотивами личности через их соотнесение с Я.

6. Переживаемые индивидуальным Я оппозиции «значимого-незначимого», «влекущего-отталкивающего», «побуждающего-фрустрирующего», «моего-чужеродного» и т.д. становятся основой формирования устойчивых внутренних объектов, «принадлежащих Я». А способность личности к рефлексии внутренних объектов в координатах множества бинарных противоположностей определяет дифференцированность и многомерность феноменологического плана жизни. Феноменологически проживаемые оппозиции, тем не менее, сохраняют свой онтологический статус: «Мыслимое бытие — это тоже бытие, а не мысль, и это — бытие не только в качестве мыслимого; осознаваемое бытие — это также бытие, а не только сознание» (там же, с. 6).

7. Индивидуальное Я обретает способность к различению оппозиций «моих значимостей», «моих отношений», «моей жизни» и экс-

пликации реальных противоречий индивидуальной жизни, ставших условиями реализации жизненных отношений личности. Данная активность Я направлена на оппозиции рефлексивно-феноменологического плана жизни.

Поскольку «Я и для самого себя, и объективно выступает первично не как абстрактный субъект познания, а как конкретная реальность человека» (там же, с. 7), рефлексивно-феноменологический модус существования оппозиций также входит в онтологию человеческой жизни. Более того, именно рефлексивно-феноменологическое обращение личности с оппозициями заключает в себе потенциал ее действия и поступка, направленных на воссоздание и конструктивные изменения индивидуальной жизни.

Таким образом, в обращении личности с оппозициями три «модуса» их существования оказываются вложенными друг в друга. И в их пересечениях (в «модальных превращениях» оппозиций) обнаруживаются связи индивидуального сознания с культурой и его онтологическая укорененность в бытии. Выявляется личность в ее «связях с жизнью» (Е.Б. Старовойтенко) — как проживающая свою жизнь в оппозициях, порождающая оппозиции жизни и воссоздающая жизнь через индивидуальное отношение к оппозициям. Во взаимодействиях онтологических, гносеологических и рефлексивно-феноменологических оппозиций личность выявляется как источник диалектического познания, проблематизации жизни и значимых изменений бытия.

Оппозиции в онтологическом «модусе» — это оппозиции мира и

бытия, объективные оппозиции жизни и жизненных отношений личности, оппозиции структурных образующих личности (выявляемых в коллизиях ее отношений). В гносеологическом «модусе» — это освоенное индивидуальным мышлением (через язык, культуру, других) множество бинарных противоположностей мира и жизни, ставшее моделью познания и самопознания личности. Оппозиции в рефлексивно-феноменологическом «модусе» существования — это пронизанные значимостью оппозиции индивидуальной жизни, соотнесенные с Я и «преображенные» индивидуальным Я во внутреннем плане жизни.

Так, например, бинарные противоположности гендера в онтологическом «модусе» существуют как «мужское» и «женское» в личности, в гносеологическом — как различие и поиск соотношений «мужского» и «женского» в личности, в рефлексивно-феноменологическом «модусе» — «мое мужское» и «мое женское».

Это определение трех «модусов» существования оппозиций в рамках теоретической персонологии необходимо для различения оппозиций как образующих моделей познания личности и реальных свойств личности, содержаний индивидуальной жизни, к которым обращены эти модели. В консультативной персонологии — для различения индивидуально проживаемых клиентом жизненных противоречий и объективно существующих оппозиций его жизни, которые доступны взгляду консультанта и становятся доступными клиенту в диалоге с ним и в диалектическом самопознании. В культурной персо-

нологии — для различения оппозиций, имманентных культурному канону обращения личности к себе, и запечатленных в текстах культуры отношений личности к реальным оппозициям и проблемам жизни. В персонологии самополагания — для различения приемов познания мира в оппозициях и укорененных в культуре бинарных параметров самоидентичности личности и т.д.

Персонологические модели отношения личности к оппозициям жизни

Данный раздел посвящен описанию результатов проведенного нами исследования в рамках персонологического проекта В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко «Культурная персонология». Как уже было отмечено ранее, одной из перспектив «принципа оппозиций» в русле культурной персонологии является разработка культурно-психологических моделей отношений личности к своим противоречиям. В данном разделе представлены культурно-психологические модели интуитивного обращения личности с оппозициями жизни, реконструированные на материалах волшебных сказок. Аналитическим материалом выступили сказки народов Греции, Италии, Франции, Испании, Португалии, Англии, России.

Волшебная сказка — это текст об изменениях Я, которые стали результатом его собственной активности, направленной на вставшие перед Я значимые оппозиции жизни. Герой волшебной сказки олицетворяет «личное начало» человека, его действительность в «сюжете жизни», он может рассматриваться одновременно

как активное Эго в глубинных включениях, как субъект отношений к оппозициям и проблемам жизни и как культурный герой, выражающий в своих отношениях специфические черты своей культуры.

Экспликация оппозиций жизни, их динамики и культурной специфики отношений личности к ним осуществляется при тонком сочетании глубинных и рациональных методов. Используются идеи фундаментальной психологии о противоречиях и конфликтах личности (З. Фрейд, К. Юнг, К. Хорни, Л. Фестингер, С.Л. Рубинштейн, Е.Б. Старовойтенко), приемы аналитической работы с символическими текстами (К. Юнг, М.Л. Франц, К.П. Эстес), метод анализа волшебных сказок (В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский), метод сгущения паттернов оппозиций (Е.Б. Старовойтенко), модели герменевтики текстов культуры (Е.Б. Старовойтенко).

Герменевтическая модель анализа текста содержит следующие шаги.

1. Определение структурных единиц сюжета, вступающих в контрарные отношения — находящихся в отношениях противостояния, противоборства, подавления одного другим, препятствования-преодоления, избегания-настигания, обращений одного в другое, обнаружений одного в другом и т.д.; извлечение процессуально-динамической специфики взаимодействия этих оппозиций.

2. Определение действенных противоположностей сюжета: мужского-женского, доброго-злого, богатого-бедного, сильного-слабого, величественного-посредственного и роли их взаимодействий в разрешении ключевой проблемы сюжета.

3. Определение символического значения оппозиций сюжета.

4. Определение ключевых оппозиций, формирующих проблему Эго-героя и вовлекаемых в ее развитие.

5. Реконструкция динамики отношений между этими оппозициями.

6. Реконструкция специфики активности личности, определяющей динамику отношений между оппозициями.

7. Реконструкция психологического контура ситуации обращения личности с оппозициями жизни.

8. Экспликация динамики Эго-героя в его обращении с оппозициями сюжета и символическое значение этих трансформаций в обращении личности с оппозициями.

9. Определение способа достижения героем гармонии исходных оппозиций сюжета — разделение противоположностей и их автономное развитие, разрушение одной оппозиции другой, воссоединение и достижение новой целостности и т.д.

10. Определение характерных способов разрешения противоречий и экспликация конкретных отношений личности к оппозициям и проблемам жизни.

Далее в статье представлены модели интуитивного отношения личности к своим оппозициям, эксплицированные из европейских и русских народных сказок.

Личности европейской культуры имманентно спонтанное, свободное, мастерски вариативное обращение с оппозициями. В европейских сказках непрерывно сменяют друг друга череда жизнесостояний героев, ситуаций и обстоятельств. Для этих сказок характерны обращения объектов в

свои противоположности и обретение ими новых оппозиций, решение проблемы через зарождение и обнаружение в объектах альтернативных свойств, еще бóльшая контрастность противоположностей в объектах через попытки уравнивать их, сплочение конфликтующих оппозиций в достижении единой цели, встречная активность оппозиций, динамика которой протекает в континууме отделения — развития — противоборства — гармоничного взаимодействия — воссоединения на более высоком уровне. Героем европейской сказки становится тот, кто способен различать оппозиции и обращаться с ними, — ему предстоит выдерживать противоречия и разрешать их, развивая до конфликта, вовлекать в противоречие других, вызывая их на развивающие поступки, доверять критической напряженности оппозиций и овладеть искусством парадокса. Активность действующих оппозиций настолько сильна, что роль Эго в одном сюжете может переходить от героя к герою, разбивая его линию на несколько восходящих к инициации героических путей. Европейская культура — это культура радио, подпитываемого мощной интуицией. Европейская интуиция, запечатленная в народных сказках, обладает неисчерпаемым потенциалом всевозможных форм обращения с оппозициями жизни. В сказках народов Европы оппозиции динамично сменяют друг друга: богатые облачаются в бедняков, девушки одеваются в мужское платье, дочери уходят на войну вместо отцов, юноши забывают возлюбленных в материнских объятиях, провоцируя спонтанную женственность брошенной невесты,

вселяющие ужас создания бросаются на помощь людям, и ради простого крестьянина солнце взойдет с севера, если так распорядится его судьба.

Распространенным «мотивом» европейских сказок становится активность Эго, направленная на различение противоположного, гармонизацию оппозиций и достижение единой целостности через их обоюдное развитие. Характерными приемами европейской личности в интуитивном обращении с оппозициями жизни являются:

- найти в тождестве начала оппозиций и различить противоположности через их автономное развитие;
- выдерживать до последнего оппозицию известного и тайного, позволив скрытому свободно проявить себя;
- активно стимулировать нарождающиеся оппозиции и развивать их до открытой конфронтации;
- удерживать критическую интенсивность конфликта до прорыва и высвобождения скрытых жизненных потенциалов оппозиций;
- определять вновь возникающие тождества и противоположности в динамично становящихся оппозициях;
- идти от подавления и взаимоисключения оппозиций к их продуктивному взаимодействию;
- установить между развитыми дуалами новые отношения, потенцирующие возникновение новых оппозиций и противоречий жизни.

Наиболее близка к европейской русская культура, однако ей присуща своя специфика отношений личности к жизненным оппозициям. Основное отношение между оппозициями —

это конкуренция, противоборство, противостояние, конфликт. Для русских народных сказок характерно извлечение самого богатого потенциала из самых слабых и не подающих надежд оппозиций, которым противостоят более сильные, могущественные герои, существа, предметы. Проявлять свою силу «слабые» оппозиции начинают в отношениях борьбы и, как правило, в критических ситуациях. Героями этих сказок часто становятся девки-чернавки, нелюбимые падчерицы, дураки, заморыши, младшие братья; им предстоит различать доброе и злое, ресурсное и разрушительное, покрытое флером величия и обладающее тайной силой, способное к служению и опасное предательством. И если в европейских мифологических текстах все исходные оппозиции проходят свой путь развития и становятся единым целым, оказываясь созданными друг для друга, то в русской сказке настоящим героем может стать только один, остальные будут изгнаны, погибнут или останутся ни с чем. Русский герой постоянно противостоит внешним обстоятельствам, пребывает в непрерывной борьбе за право инициации, и на этом пути руководящими принципами для него становятся позиции добра, истины, служения, справедливость и авторство подвига.

Русский герой — это Эго, овладевающее искусством обращения с сознательно-бессознательной оппозицией жизни. Он отправляется в глубинное путешествие, в котором ему предстоит встретиться с могучей первозданной природой — хранительницей тайны жизни и смерти, скрытых жизненных ритмов — Ба-

бой-ягой. Герой европейских сказок спасает из дома ведьмы братьев, сестер, жену и бежит сам, и только русский герой живет у Бабы-яги, служит ей и выведывает ее тайны. Во взаимодействии с бессознательными силами личности помогает интуиция, требующая активных вкладов сознания. Она представлена в символах говорящего коня или волка в «мужском» сюжете и куколки, оставленной матерью, — в «женском».

Таким образом, в русских народных сказках проступает яркая культурно-специфичная оппозиция сильных бессознательных связей личности с жизнью и активного социально ориентированного радио, баланс которой достигается овладевшим интуицией и бесстрашно рефлексирующим Эго. Динамика сознательно-бессознательных оппозиций личности русской культуры имеет следующую специфику.

– Глубинная динамика личности вовлекается в конфликтные отношения с сознанием в случаях возрастных кризисов, заброшенных социальных функций личности, нивелирования личностью роли глубинной жизни, обостренных внутренних и социальных конфликтов.

– Ресурсы бессознательного открываются в одиночестве и страхе, в «темной ночи души», при интуитивном доверии личности к своей глубинной природе.

– Интуиция нуждается в непрерывных вкладах индивидуального сознания и в кризисных ситуациях оказывается продуктивнее рационального осмысления проблемы.

– Нечуткость личности к противоречиям рациональной мысли и интуитивного чувствования в конечном

итоге приводит Эго к деструктивным влияниям бессознательного.

– Гармонизированные рациональные связи личности с жизнью активно подпитываются ее иррациональными формами.

– Агрессивная рефлексия разрушает творческие связи личности с бессознательным, и они приобретают латентную форму.

Для русской культуры характерна провоцирующая оппозиции личностная активность — часто импульсивная или чрезмерная, несоразмерная объективным условиям жизни или опережающая время внутренних процессов личности. Героям русских сказок часто бывает трудно выдерживать напряжение оппозиций, и они сами порождают новые противоречия своим нетерпением, любопытством или желанием обладать. Например, в сказке «Царевна-лягушка» акт сожжения лягушачьей кожи символизирует вторжение сознания в таинство глубинных процессов — от нетерпения, и невеста героя — анима, создающая символические формы жизни, — отправляется за тридевять земель (Франц, 2007). В европейской культуре (у народов Италии) есть аналог этой сказки — «Обезьяний дворец». В этом сюжете герой терпеливо ждет превращения в принцессу своей невесты-обезьяны. И если Эго европейской личности проходит путь выдерживания, принятия, познания и интеграции, то в русском варианте этого сюжета Эго возвращает себе творческую часть души через глубинное путешествие.

Для интуитивного отношения, запечатленного в русских волшебных сказках, характерна парадок-

сальная динамика обращений личности с оппозициями жизни:

– различить в тождестве те оппозиции, где активная оппозиция подавляет более слабую, внешне ригидную;

– установить отношения конкуренции и противоборства между оппозициями, развивая активную оппозицию и обнаруживая еще больший регресс слабой;

– довести расхождение развития-регресса оппозиций до критического уровня, чтобы слабая оппозиция проявила скрытые потенциалы, как правило, в причудливых и самобытных формах;

– облечь проявления слабой оппозиции в социально-продуктивную форму, чтобы она превзошла другую в своем развитии и стала новой творческой формой воссоздания личности жизни;

– различить в себе оппозиции запущенных глубинных потенциалов и рационально поддерживаемых жизненных форм;

– инициировать критически деструктивную ситуацию, запрашивающую глубинной активности. В ней полностью отмирает рациональная оппозиция личности, а глубинная перерождается в новом Эго-сознании;

– разрушить невыносимую оппозицию известного и тайного активной экспансией мышления и рефлексии;

– для регресса оппозиций Я рационально имитировать глубинные формы активности;

– ликвидировать оппозицию своему Я через поиск, различение и разрушение в ней противоположности ее определяющему качеству.

С точки зрения глубинной психологии, текст волшебной сказки повествует о Герое — Эго-сознании, разворачивая в каждом событии сюжета архетипику его пути, ведущего к индивидуации. Выявленные культурно-специфические приемы обращения личности с оппозициями, запечатленные в символах сказки, позволяют герою разрешить значимую проблему его жизни и обрести новую идентичность.

Эти приемы обретают свое прагматическое значение при рассмотрении их в контексте эмпирической реальности индивидуальной жизни. И если в «архетипической истории души» речь идет об обращении Эго-героя с оппозициями, то в контексте рассмотрения противоречий и проблем индивидуальной жизни встает вопрос об отношении (Старовойтенко, 2004, 2010а, б) личности к оппозициям жизни. Действительным «героем» этого отношения становится индивидуальное Я как источник, «эпицентр» и субъект отношений личности к жизни (Рубинштейн, 2012; Старовойтенко, 2004, 2010б, 2011). Перспективами дальнейших исследований могут стать проблемы динамики Я в отношении личности к оппозициям жизни. Например, представляет интерес следующий континуум: Я, вовлеченное в оппозиции жизни, — Я, вставшее в отношение к оппозициям жизни, — Я, разрешившее конфликт значимых оппозиций жизни. В результате этих трансформаций Я обращается в свою противоположность — становится состоявшимся Я по отношению к тому Я, к потенциа-

лам которого обращены вовлекающие его значимые оппозиции жизни.

Также представляют интерес проблемы свойств и качеств Я — или «способностей Я (Рикер, 2008; Старовойтенко, 2010б), необходимых для развития отношения личности к оппозициям жизни. Речь идет о следующих «способностях»:

– способности Я к различению, переживанию, интуиции, рефлексии оппозиций жизни и его способность к самоопределению в оппозициях;

– способность Я выдерживать напряжение судьбоносных конфликтов жизни и удерживать собственную целостность в критически расходящихся значимых оппозициях жизни;

– способность Я сохранять и выдерживать направленную на оппозиции активность, в том числе парадоксальную;

– способность Я осуществлять переход через «жизненные границы» (В.А. Петровский) с целью его самовоплощения в качестве обновленного Я.

Принцип оппозиций в персонологии может выступать интегрирующим принципом, который позволяет через разные формы персонологического синтеза фундаментальной, культурной и практической психологии личности обнаруживать и формулировать новые проблемы познания личности. Принцип оппозиций располагает методологическими и инструментальными способами разработки этих проблем, которые позволяют получать знание о личности, обращенное в консультативную персонологическую практику и практику самополагания персонолога.

Литература

Абульханова К.А. Онтологический подход С.Л. Рубинштейна в методологии изучения личности и субъекта // Фило-софско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Отв. ред. К.А. Абульханова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 62–80.

Абульханова-Славская К.А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 14–29.

Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963.

Иванов В.В. К семантической типологии производных от числительного «два» // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. С. 101–111.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984.

Исаева А.Н. Герменевтика отношения личности к оппозициям жизни // Мир психологии. 2011. № 4 (68). С. 133–143.

Исаева А.Н. Культурно-психологические модели отношений личности к противоречиям жизни // Актуальные вопросы современной психологии и педагогики: Сборник докладов IV Международной научной заочной конференции (Липецк, 21 августа 2010 г.) / Отв. ред. А.В. Горбенко. Липецк: Типография «Липецк»; Издательский центр «Дефакто», 2010. С. 139–146.

Лотман М.Ю. Об искусстве. Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993). СПб.: Искусство СПб, 1998.

Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Вопросы философии. 1991. № 10. [Электронный

ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Article/melet2.php

Нетишекуева Т.С. Внутрличностный конфликт как лингвистический феномен: Дисс. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2006.

Петровский В.А. Общая персонология: наука личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2003. С. 20–30.

Петровский В.А., Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 21–39

Протт В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2009.

Рикер П. Я — сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.

Старовойтенко Е.Б. Культурное время личности // Мир психологии. 2011. № 3. С. 62–75.

Старовойтенко Е.Б. Культурная психология личности. М.: Академический проект, 2007.

Старовойтенко Е.Б. Модель персонологии в парадигме жизни // Мир психологии. 2010а. № 1. С. 157–172.

Старовойтенко Е.Б. Персонология отношения к себе: культурная трансспектива // Мир психологии. 2010б. № 4. С. 13–25.

Старовойтенко Е.Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академический проект, 2004.

Старовойтенко Е.Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. М.: Академический проект, 2001.

Старовойтенко Е.Б., Исаева А.Н. Роль противоречий в жизни личности // Мир психологии. 2010. № 2. С. 23–24.

Франц М.Л. Толкование волшебных сказок. М.: Независимая фирма «Класс», 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://jungland.ru/node/1996>.

Юнг К. Психологические типы. СПб.: Азбука, 2001.

Jung C.G. The Red Book: Liber Novus. Philemon Series & W.W. Norton & Co, 2009.